

«И скоро силою вещей Мы очутились в Париже»

ПАРИЖСКИЕ НАХОДКИ
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

Предлагаем читателям две первые главы из будущей книги лауреата Государственной премии СССР И. С. Зильберштейна «Парижские находки. Эпоха Пушкина». Третья глава и послесловие автора будут опубликованы в следующем номере альманаха.

Воспетая Пушкиным

На протяжении моей жизни не раз бывали случаи, когда, отыскав фотографию значительного произведения искусства, считавшегося утраченным, или бесследно исчезнувшего интересного автографа, я какими-то интуитивными путями, если не сказать шестым чувством, затем находил и подлинник. Но никак не мог я даже и предположить, что найду оригинал опубликованного мною в 1956 году благодаря уцелевшей фотографии примечательного художественного памятника пушкинской эпохи и к тому же трогательного свидетельства жестокой судьбы одной из первых декабристок. И уж, конечно, совсем не думал, что встречу этот оригинал в Париже. Произошло это так.

18 апреля 1966 года я вторично отправился к Д. Д. Давыдову, потомку декабриста Василия Львовича Давыдова и бывшему лицеисту. Денис Дмитриевич обещал мне решить вопрос о передаче в одно из наших архивохранилищ имеющегося у него альбома, некогда принадлежавшего жене декабриста, Александре Ивановне Давыдовой. Денис Дмитриевич, прикованный к постели, тяжелобольной, видимо, чтобы посоветоваться, посылать ли альбом на родину, пригласил двух своих друзей. Одного из них он называл бароном, другого — полковником. Наибольшее участие в разговоре принимал «полковник» — В. Н. Звегинцов, из его вопросов и реплик мне стало ясно, что он является знатоком русской истории минувшего века. В частности, выяснилось, что у него имеются обе книги 60-го тома «Литературного наследства», посвященного декабристам. «На странице 81-й второй книги этого тома, — сказал он, — напечатана фотография акварельного портрета Марии Николаевны Волконской и указано, что местонахождение оригинала неизвестно. Так вот, эта акварель находится у меня».

По правде говоря, я сперва не поверил тому, что услышал, настолько это было и неожиданно и невероятно. Ведь, ссылаясь на публикацию портрета М. Н. Волконской, местонахождение которого до того времени оставалось неизвестным, В. Н. Звегинцов, сам того не зная, имел в виду мое исследование о декабристе-художнике Николае Бестужеве.

Что же это за акварель, существование

которой так меня обрадовало, чем она примечательна?

Но прежде всего кратко о М. Н. Волконской. Любимая дочь генерала Н. Н. Раевского, прославленного героя Отечественной войны 1812 года, Мария Николаевна вошла как «утаенная любовь» не только в жизнь Пушкина, но и в его творчество. Давно известно, что именно о пей, хотя ни разу она не была им названа, поэт говорит в ряде своих произведений. Именно о Марии Николаевне в «Бахчисарайском фонтане» он писал:

*Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...*

На протяжении долгих лет видные пушкинисты спорили о том, к кому обращено посвящение к «Полтаве», в котором имеются такие строки:

*...Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

И лишь когда П. Е. Щеголев, изучив черновую рукопись поэмы, установил, что в первой редакции посвящения строке «Твоя печальная пустыня» предшествовало «Сибири хладная пустыня», стало ясно: «утаенная любовь» Пушкина, та девушка, которая не ответила ему взаимностью, и была М. Н. Раевская.

Ей было всего лишь девятнадцать лет, когда в начале 1825 года она стала женой будущего декабриста С. Г. Волконского. Трудно сказать, чем привлек Марию Николаевну этот человек, старше ее на семнадцать лет, за плечами которого была бурно прожитая жизнь; быть может, ей, выросшей в военной семье, была по душе его героическая биография: за десять лет боевого пути он участвовал в 58 сражениях, а в чин генерал-майора за отличие был произведен в двадцатичетырехлетнем возрасте. Несмотря на то, что за семь дней до его ареста Мария Николаевна Волконская, находясь на юге, 2 января 1826 года родила сына, она, узнав 28 февраля о судьбе мужа, оставила младенца на попечение родственников и поспешила в Петербург. Потянулись долгие месяцы следствия, допросов, очных ставок. А 10 июля Николай I утвердил приговор по делу декабристов: за исключением тех пятерых, которые по первоначальному приговору должны были подвергнуться казни колесованием, все подсудимые были разделены на одиннадцать разрядов. По «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осужденным к разным казням и наказаниям», Волконский

был отнесен к категории «государственных преступников первого разряда, осуждаемых к смертной казни отсечением головы». А в этой «Росписи», напечатанной в газете «Русский инвалид или военные ведомости» (1826, № 170—171, 17 июля), о нем было сказано: «Генерал-майор князь Волконский. Участвовал согласно в умысле на царевичество и истребление всей императорской фамилии; имел умысел на заточение императорской фамилии; участвовал в управлении Южным обществом и старался о соединении его с Северным; действовал в умысле на отторжение областей от Империи и употреблял поддельную печать Полевого Аудиториата».

Но за шесть дней до этой газетной публикации, 11 июля, «по высочайшему повелению» приговор был смягчен: Волконский приговаривался к лишению чинов и ссылке на каторжные работы на двадцать лет. Узнав об окончательном приговоре, Мария Николаевна принимает решение следовать за мужем на каторгу. Категорический запрет Николая I женам декабристов брать с собой детей не оставил ее.

В последние недели пребывания в Петербурге она заказывает лучшему акварелисту того времени П. Ф. Соколову портрет, в котором художник должен был изобразить ее с десятимесячным сыном Николаем на руках. Причем портрет был заказан в двух экземплярах: один для сестры — С. Н. Раевской, другой — для мужа. О судьбе первого неизвестно ничего, судьба второго примечательна.

В архиве Волконских мне удалось отыскать два письма Марии Николаевны, в которых она говорит о сеансах у Соколова. В письме к сестре, отправленном 17 ноября 1826 года, незадолго до отъезда в Сибирь, она писала: «Соколов ожидает меня, чтобы писать для тебя ко дню твоего рождения мой портрет и портрет нашего ребенка». А через день — 19 ноября — она извещала мужа: «Наш дорогой Николино чувствует себя хорошо, скоро ты получишь его и мой портрет работы Соколова. Не знаю, выйдет ли он, — так трудно рисовать ребенка, схватить сходство, а у нашего особенно много живости в лице. Я покидаю тебя, мой друг, чтобы позировать. Художник ждет меня».

А через месяц Мария Николаевна двинулась в далекую, почти бесконечную дорогу... В Москву она приехала 26 декабря и остановилась у родственников мужа. Здесь на следующий день был устроен в ее честь вечер, на котором присутствовал и Пушкин. Это была их последняя встреча. А днем позже Волконская отправилась в свой тяжкий скорбный путь на Благодатский рудник, где ее закованный в кандалы муж уже начал отбывать каторжные работы. И, конечно, она везла с собой портрет, написанный с нее Соколовым. По-видимому, в первую же встречу с мужем она этот портрет ему передала.

В фонде III Отделения, в делах Нерчинского горного правления «О государственных преступниках, посланных по делу 14 декабря 1825 года», я нашел документ, датированный 20 февраля 1827 года и озаглавленный «Опись поступившим по сие число имуществу и вещам государственных преступников Сергея Трубецкого с товарищи», в котором под фамилией «Волконский» указано: «Портрет отца его — 1, портрет матери — 1, портрет жены

и сына — 1». Совершенно очевидно, что эти три вещи он получил из рук жены, прибывшей на Благодатский рудник за двенадцать дней до составления этой описи. А через два года эта акварель приобрела для Волконских ценность реликвии, так как их сын, оставленный на попечение родных, умер в возрасте трех лет.

Пушкин посвятил его памяти трогательную эпитафию:

*В сияньи, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбки он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.*

2 марта 1829 года Н. Н. Раевский, отец Марии Николаевны, известил ее о постигшем их горе. «Хотя письмо мое, друг мой Машенька, несколько заставит тебя поплакать, но эти слезы будут не без удовольствия; посылаю тебе надпись надгробную сыну твоему, сделанную Пушкиным; он подобно ничего не сделал в свой век». Заканчивалось письмо словами: «Это будет вырезано на мраморной доске». А в ответном письме М. Н. Волконской от 11 мая 1829 года такие строки: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию моему дорогому ангелочку. Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится столь многое. Как же я должна быть благодарна автору; дорогой папа, возьмите на себя труд выразить ему мою признательность». О том же Мария Николаевна писала 28 сентября того же года брату Николаю: «В моем положении никогда нельзя быть уверенной, что доставишь удовольствие, напоминая о себе. Тем не менее скажи обо мне Александру Сергеевичу. Поручаю тебе повторить ему мою признательность за эпитафию Николино. Слова утешения материнскому горю, которые он смог найти, — выражение его таланта и умения чувствовать».

Весьма любопытно письмо от 13 июня 1830 года из Читинского острога, в котором Мария Николаевна благодарит Вяземскую за отправленные ей различные печатные издания: «Присылка «Литературной газеты» доставляет мне двойное утешение: вновь увидеть имена любимых писателей моей родины и получить некоторые сведения о том, что делается в мире, к которому я уже не принадлежу». И далее: «Прошу Вас, добрая и дорогая княгиня, поклониться от меня в особенности Вашему мужу и Пушкину, умоляю Вас непременно передать им выражение моего глубокого уважения. Обязайте их ради бога послать мне все их новые произведения и какие-нибудь другие литературные новинки, если это не будет им сколько бы нибудь в тягость».

19 октября того же года Волконская благодарит за присланное ей стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Вяземская ошибочно считала, что оно посвящено Н. Н. Гончаровой и сообщала об этом Волконской. В своем письме Мария Николаевна снова благодарит за регулярную присылку «Литературной газеты», а также «равно как и за стихотворение нашего великого поэта». А свое мнение об этом стихотворении она выразила следующими словами: «Это любовный вздор, который нам доставляет большое удовольствие, потому что доказывает, на-

сколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего. Передайте ему, пожалуйста, наши искренние самые сердечные поздравления». Как считала Т. Г. Цявловская и некоторые другие исследователи, стихотворение «На холмах Грузии...» Пушкин мысленно посвятил М. Н. Волконской.

Ее отзывы о произведениях Пушкина сохранились и в письмах, отправленных ею из Сибири другим корреспондентам. Так, 20 марта 1831 года, то есть спустя всего лишь три месяца после выхода в свет «Бориса Годунова», Мария Николаевна писала З. А. Волконской: «Борис Годунову вызывает наше общее восхищение; по нему видно, что талант нашего великого поэта достиг зрелости; характеры обрисованы с такой силой, энергией, сцена летописца великолепа. Но, признаюсь, я не нахожу в этих стихах той поэзии, которая очаровывала меня прежде, той неподражаемой гармонии, как ни велика сила его нынешнего жанра».

А в письме от 19 февраля 1832 года, отправленного из Петровского завода как бы от имени заключенных там декабристов, Мария Николаевна пишет своей младшей сестре Софье Николаевне: «Повести Пушкина, так называемого Белкина, являют здесь настоящим событием. Нет ничего привлекательнее и гармоничнее этой прозы. Всё в ней картина. Он открыл новые пути нашим писателям. Несколько новых романов и литературные журналы, вот что в настоящую минуту занимает Петровск, или, вернее, его заключенных».

Тридцать лет провела М. Н. Волконская в «хладной пустыне» тогдашней Сибири. Но интерес и любовь к родной литературе никогда в ней не угасали. И в сибирской глуши «звуки лиры» Пушкина для Марии Николаевны оставались «милыми».

На протяжении всех тех лет своей жизни в Сибири Мария Николаевна не расставалась с акварелью, на которой П. Ф. Соколов изобразил ее с сыном. И этот самый портрет оказался во владении В. Н. Звегинцова. А до того как попасть в Париж, этот портрет за 140 лет своего существования проделал несколько десятков тысяч километров в разные концы света. Так, дорога от Петербурга до Благодатского рудника составила шесть тысяч километров, затем Волконские взяли его с собой, когда в 1827 году были отправлены в Читинский острог, оттуда в 1830 году он проделал вместе с ними путь в Петровский завод. В марте 1837 года Волконские отбыли на поселение в село Уриковское Иркутской губернии.

После смерти Николая I в 1855 году, когда воцарившийся Александр II подписал амнистию декабристам, Волконские в следующем году возвратились в Европейскую Россию и поселились в селе Воронки Черниговской губернии. Затем акварель стала собственностью родившейся в Сибири дочери М. Н. Волконской — Елены Сергеевны.

В 1910-х годах портрет находился в ее имени Вейсбаховке Полтавской губернии. От третьего брака с А. А. Рахмановым у Елены Сергеевны была дочь, к которой и перешел в дальнейшем портрет М. Н. Волконской с сыном. Дочь Елены Сергеевны вышла замуж за русского офицера А. И. Джулиани, от которого у нее было два сына — Сергей и Ми-

хаил, являющиеся троюродными братьями В. Н. Звегинцова. Он и приобрел эту акварель у Сергея Джулиани в 1925 году, встретив его на улице во Флоренции, когда тот нес ее к антиквару, чтобы продать.

В сокращенном виде эта статья, открывавшая серию моих статей, объединенных общим заглавием «Парижские находки», появилась в 1966 году в № 47 «Огонька». Завершал я статью словами:

«Я очень надеюсь, что В. Н. Звегинцов придет к решению, что этому портрету следует совершить еще одно путешествие — на этот раз последнее — на родину, где любой из наших пушкинских музеев будет счастлив украсить свою экспозицию портретом женщины, воспетой Пушкиным, декабристки, прославленной Некрасовым в «Русских женщинах».

А в постскриптуме к моей статье «Сибирский альбом декабристки», напечатанной также в серии «Парижские находки» в «Огоньке» 1967, № 5, я говорил:

«В своем первом очерке «Сначала о Пушкине» (№ 47 за 1966 год) я писал о том, что акварельному портрету Марии Николаевны Волконской с сыном (кисти П. Ф. Соколова), воспроизведенному на страницах этого номера и находящемуся в Париже у В. Н. Звегинцова, надлежало бы совершить еще одно, последнее путешествие — на родину. Рад сообщить, что Владимир Николаевич, прочитав этот очерк, 30 ноября 1966 года написал мне из Парижа:

«Конечно, Вы правы, говоря, что место окончательного «упокоения» акварели на родине и что пора ей закончить свое долгое путешествие. К этому же заключению пришел и я... Уже раз ей грозило закончить свое существование у какого-то флорентийского антиквара. В лучшем случае была бы она куплена любителем красивой акварели, но уже, наверно, никто бы со временем не знал, кого она изображает, и для потомства или для русских музеев она навсегда была бы потеряна. Уже несколько раз у меня были предложения ее продать, но каковы бы ни были «минуты жизни трудные», я никогда на это не согласился и не соглашусь... Попытаюсь послать ее на Ваше имя, а Вы уже передадите в соответствующее учреждение по Вашему выбору».

Мне кажется, что Государственный музей А. С. Пушкина в Москве, где уже экспонируется присланный В. Н. Звегинцовым портрет его прабабушки А. А. Олениной, вполне подходящее место для портрета декабристки М. Н. Волконской, вдохновлявшей молодого Пушкина».

А в постскриптуме к моей статье «Неизвестные автографы и портреты Гоголя», напечатанной в «Огоньке» 1969, № 46, имеются такие строки:

«Читатели моих очерков «Парижские находки», вероятно, помнят воспроизведенный в красках в № 47 «Огонька» за 1966 год акварельный портрет М. Н. Волконской с сыном, исполненный художником П. Ф. Соколовым в 1826 году. Там я рассказывал и историю этого портрета, который был увезен Марией Николаевной в Сибирь, когда она решила разделить судьбу мужа-декабриста, сообщил и о том, что в настоящее время после скитаний на протяжении ста сорока лет по всему свету эта замечательная реликвия пушкинской эпохи

находится в Париже у В. Н. Звегинцова. Прочитав мой очерк, Владимир Николаевич согласился с тем, что портрету М. Н. Волконской следует совершить последнее и уже окончательное путешествие — на родину (об этом решении В. Н. Звегинцова сказано в № 5 «Огонька» за 1967 год в послесловии к очерку «Альбом декабристки»). В прошлом году в Париже был начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. А. Белов, и благодаря его любезному содействию эта реликвия совершила свое последнее путешествие. Одновременно до меня дошло письмо В. Н. Звегинцова, в котором были такие строки: «Дорогой Илья Самойлович! Когда Вы получите это письмо, акварель Соколова, изображающая М. Н. Волконскую-Раевскую, будет уже у Вас, закончив свои многолетние и многоверстные передвижения. Надеюсь, что вернется она домой в сохранности и что благодаря Вам найдет подобающее ей место вечного упокоения в Пушкинском музее в Москве. С моей души спадет большой камень...»

Рад сообщить, что портрет М. Н. Волконской передан мною в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве и уже занял почетное место в его экспозиции.

Неизменно я ощущаю чувство сердечной радости, когда мои старания о возвращении на Родину находящихся за рубежом реликвий русской культуры увенчиваются успехами.

Дневник Аннет Олениной

Среди тех современниц, которых Пушкин обессмертил посвященными им стихами, одно из первых мест занимает Анна Алексеевна Оленина. Она была дочерью близкого знакомого Пушкина — президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, писателя, археолога и рисовальщика А. Н. Оленина. Увлеченный поэт посвятил ей циклы замечательных лирических стихотворений. В 1828 году Пушкин хотел жениться на Олениной. Неоднократно набрасывая профиль девушки в своих черновиках, он пишет «Annette Puchkine» и анаграмму, обратное начертание ее к имени: «Ettenna Aninelo» то есть «Annette Olenina».

И вот передо мной лежит альбом двадцатых годов прошлого века в кожаном переплете, с золотым обрезом и с вытисненным на нем золотом одним только словом: «Annette». Это девичий дневник А. А. Олениной, в котором нашли отражение и встречи с Пушкиным и косвенно его сватовство.

Но прежде чем рассказать о дневнике Олениной и о его судьбе, напомним читателю, что именно к Олениной обращены семь стихотворений Пушкина; в отношении еще трех стихотворений есть основания предполагать, что они отчасти связаны с ней, а в двух других поэт восторженно отзывается о ее внешних и душевных качествах. Аннет Оленина вдохновила Пушкина на создание следующих стихотворений 1828 года: «Вы избалованы природой...», «Увы, язык любви болтливый...», «Ты и вы» («Пустое вы сердечным ты...»), «Не пой, красавица, при мне...», «Волненьем жизни утомленный...», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «Город пышный, город бедный...», — нет нужды говорить о том, что эти стихи с предельной полнотой выра-

жают отношение поэта к Олениной. Кроме того, Пушкин написал в ее альбом стихотворения «Приметы» («Я ехал к вам: живые сны...»), «В альбом» («Что в имени тебе моем?»), и «Я вас любил: любовью еще, быть может...». А вот упоминание об Анне Алексеевне в стихотворении, обращенном к английскому живописцу Джорджу Доу, создателю 332 портретов героев войны 1812 года для Военной галереи Зимнего дворца, предполагавшему написать портрет Пушкина:

*Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.*

*Рисуй Олениной черты:
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.*

В другом стихотворении, стремясь запечатлеть «глаза Олениной моей», поэт так говорит о них:

*Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..*

*Потупит их с улыбкой Лея —
В них скромных граций торжество.
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.*

Когда в конце 1810-х годов юноша Пушкин стал бывать у Олениных, их дом был своеобразным центром литературной и художественной жизни Петербурга. Здесь поэт познакомился и подружился со многими выдающимися писателями, учеными, живописцами, композиторами, артистами, с передовыми людьми того времени. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин, один из пяти казненных организаторов восстания, показал на следствии: «С Пушкиным я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина в 1819 году». В этом кругу и выросла младшая дочь Оленина, Аннет, родившаяся в 1808 году. У нее было музыкальное дарование — ее пением восхищались, а в совсем молодые годы она написала музыку к думе Рылеева «Смерть Ермака».

Вспоминая о том времени и рассказывая о многогранных культурных интересах отца — он знал десять языков: старославянский, латинский, греческий, французский, немецкий, итальянский, испанский, английский, еврейский, арабский, — Анна Алексеевна пишет: «Батюшке я сама во многом обязана, от его истинного глубокого знания и мне кое-что перепало. В его разговорах, выборе для меня книг и в кругу незабвенных наших великих современников: Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Пушкина, Брюллова, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Уткина, Щедрина и прочих почерпала я всё, что было в то время лучшего» (цитируем по неизданной рукописи воспоминаний А. А. Олениной).

Этот перечень друзей Олениных можно значительно дополнить: в их доме бывали также Жуковский, Вяземский, Языков, Катенин, Шиллинг, Вьяльгорские, Ф. П. Толстой, Боровиковский, Венецианов, Кипренский,

Гальберг, декабристы Никита и Александр Муравьевы и множество других видных представителей культурного мира России.

После семилетней ссылки Пушкин вернулся в Петербург в мае 1827 года и, очевидно, возобновил свои посещения дома Олениных и вновь встретился с Аннет. Ей уже исполнилось 19 лет, а за два года до этого она была назначена фрейлиной императорского двора. Пушкин по возвращении встречался с ней и у общих знакомых. И совсем часто они стали видеться с весны 1828 года, — об этом существует множество документальных свидетельств. По одним только письмам П. А. Вяземского к жене можно установить, что Пушкин был у Олениных 17 апреля и 3 мая, а 5 мая он пришел на бал к Мещерским, где находилась Аннет. Весь день 9 мая поэт провел в обществе Олениных и художника Доу, — они совершили совместную поездку по морю на пиротскафе.

В Приютино, усадьбе Олениных, Пушкин был своим человеком. Они туда переехали в середине мая 1828 года, и ему случалось подолгу гостить у них. Вот что пишет жене Вяземский 21 мая, посетив накануне Приютино: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес».

Здесь, в Приютино, Анна Алексеевна и начала в июне 1828 года вести дневник. Альбом, который носит на переплете ее имя, вероятно, был подарен ей кем-нибудь из близких, быть может, отцом. Примечательно, что один из двух эпиграфов, написанных ею на форзаце, она взяла из пушкинского произведения:

*«Я все грущу: но слез уж нет
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем угаснет!»*
(«Евгений Онегин»)

И уже в первой дневниковой записи, сделанной 20 июня в Приютино, упоминается Пушкин, которого она вновь встретила накануне: «Вчера была я для уроков в городе, видела моего ангела Машу Эльмит и обедала у верного друга Варвары Дмитриевны Полторацкой. Как я ее люблю! Она так добра и мила! Там был Пушкин и Миша Полторацкий. Первый довольно скромный, и я даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в sentimentalном роде».

Многое можно прочесть в этих кратких строчках! Значит, у Аннет Олениной были основания считать, что во время предыдущих встреч Пушкин вел себя не совсем скромно, опасаться, как бы он «не соврал чего в sentimentalном роде». Возможно, ее строгая мать Елизавета Марковна (урожденная Полторацкая), опасаясь пушкинских «любовных гримас», по слову Вяземского, наказала дочери их остерегаться.

Четыре недели спустя — 17 июля — Аннет вносит в альбом пространную запись, где говорит о своей сокровенной девичьей мечте — выйти замуж. В этой записи упоминается и Пушкин в качестве одного из возможных женихов. Запись начинается так: «Я лениво пишу в журнале, а, право, так много имею вещей

сказать, что и стыдно пренебрегать ими: они касаются, может быть, счастья жизни моей». И далее: «Разговорилась я после обеда с Иваном Андреевичем Крыловым о наших делах. Он вообразил себе, что Двор вскружил мне голову и что я пренебрегала бы хорошими партиями, думая выйти за какого-нибудь генерала. В доказательство, что не простираю так далеко своих видов, назвала я ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Мейендорфа и Киселева. При имени последнего он изумился. «Да, — повторила я, — я думаю, что они — не такие большие партии, и уверена, что вы не пожелаете, чтобы я вышла за Краевского или за Пушкина». «Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтоб вы вышли за Киселева и, ежели хотите знать, то он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает».

А через несколько строк Аннет записывает следующее: «Сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителю, да и немного надоела им. Пора, пора мне со двора, хотя и это будет ужасно. Оставив дом, где была счастлива столько времени, я войду в ужасное достоинство жены! Кто может узнать судьбу свою; кто скажет, выходя замуж, даже по страсти: «я уверена, что буду счастлива». Обязанность жены так велика: она требует столько самопожертвования¹, столько нежности, столько снисходительности и столько слез и горя! Как часто придется мне вздыхать из-за того, кто пред престолом всевышнего получил мою клятву повиновения и любви; как часто, увлекательный пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности! Как часто будет любить других, а не меня... Но я преступлю ли законы долга, будучи пренебрегаема мужем? Нет, никогда!»

На следующий день — 18 июля 1828 года — Анна Алексеевна вновь возвращается к тем же мыслям. Но теперь она приходит к наивному решению — написать роман. Любопытно ее рассуждение о том, кто займет центральное место в ее будущем сочинении: «Пушкин и Киселев — два героя моего теперешнего романа. Сергей Голицын, Глинка, Грибоедов и в особенности Вяземский — персонажи более или менее интересные. В отношении женщин, их всего трое, — героиня — это я, второстепенные лица — это тетюшка Варвара Дмитриевна Полторацкая и госпожа Василевская. Я говорю от третьего лица, пропускаю первые годы, перехожу прямо к делу» (эти строки написаны в дневнике по-французски). И далее Аннет Оленина в беллетризованной форме описывает свою встречу с Пушкиным на балу у Е. М. Хитрово (дочери Кутузова) после возвращения поэта из ссылки:

«Однажды, на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой, Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин» (в дневнике эта фраза также по-французски, дальнейший абзац по-русски).

«Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательною наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его.

Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взгляд на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава, природного и принужденного, и неограниченное самолюбие — вот все достоинства и телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия. Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно знать; что он распутный человек, — да к похвале всей молодежи, они почти все таковы. Итак все, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен».

Наивно, даже по-детски описывает Оленина внешний облик Пушкина и его характер. (Упомянув о «стеклянных» глазах поэта, она имеет, очевидно, в виду их светлый цвет: «в голубых или, лучше сказать, стеклянных...»)

Продолжение вышеприведенной записи написано в дневнике по-французски, вот его перевод:

«Среди особенностей поэта была та, что он питал страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что предпочитает их даже красоте. Анета соединяла со сносной внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой бывали хороши, порой глупы. Но ножка ее действительно была очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфли.

Пушкин заметил это преимущество, и его жадные глаза следили по блестящему паркету за ножками молодой Олениной.

Он только что вернулся из десятилетней² ссылки. Все — мужчины и женщины — старались проявлять к нему внимание, которое всегда оказывают гению. Одни делали это ради моды, другие — чтобы иметь прелестные стихи и приобрести благодаря этому репутацию, иные, наконец, вследствие истинного почтения к гению, но большинство — потому, что он был в милости у государя Николая Павловича, который был его цензором.

Анета знала его, когда была еще ребенком. С тех пор она восторженно восхищалась его увлекательной поэзией.

Она тоже захотела отличить великого поэта: она подошла и выбрала его на один из танцев; опасение быть осмеянной им заставило ее опустить глаза и покраснеть, подходя к нему. Небрежность, с которой он спросил, где ее место, задела ее. Предположение, что Пушкин мог принять ее за дуру, оскорбило ее, но ответила просто и за весь остальной вечер уже не решалась выбрать его.

Но когда подошла его очередь приглашать и исполнять фигуру, она увидела его приближающимся к ней. Она подала ему руку, отвернув голову и улыбаясь, потому что это была честь, которой все завидовали».

После этих строк Аннет записывает (также по-французски): «Я хотела написать роман, но мне надоело, лучше я просто буду писать свой дневник. Я перечитала портрет Пушкина и рада, что он мне удался — его можно узнать из тысячи!! Но продолжим мой дорогой дневник».

11 августа 1828 года А. А. Олениной исполнилось двадцать лет. В числе тех, кто

приехал в Приютино, чтобы ее поздравить, был и Пушкин. Вот что она записала по этому поводу в своем дневнике 13 августа:

«В субботу было мое рождение, мне минуло 20-й год! Боже, как я стара, но что же делать. У нас было много гостей, мы играли в бары-разбойники, после много пели. Пушкин, или «Red Riviet», как я прозвала его, был по обыкновению у нас; он влюблен в За-кревскую и всё об ней толкует, чтобы заставить меня ревновать, но притом тихим голосом прибавляет мне нежности. Милый Глинка и премилый Сергей Голицын (Фирс) были у нас, первый играл чудесно и в среду придет дать мне первый мой урок пения».

В те дни в столичной прессе появились сведения о продаже нового романа Фенимора Купера «Red Riviet» («Красный корсар») — отсюда и прозвище, которое Оленина дала поэту. В этой записи упоминаются А. Ф. Закревская — Пушкин посвятил ей несколько стихотворений, — М. И. Глинка и его приятель С. Г. Голицын, дилетант на поэтическом и композиторском поприще.

Строки о дне рождения помещены на 21-й странице дневника, дальнейшие двадцать страниц были заполнены в сентябре, а на 41-й Оленина начинает записывать свои воспоминания о недавних неделях жизни, которые озаглавливает: «Роман моего сочинения». Здесь она вновь возвращается к памятному для нее дню 11 августа. На странице 60-й Оленина пишет слово «Рождение», затем в качестве эпитафии приводит строки из «Евгения Онегина»:

*Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.*

После этого идет подробная запись, связанная с молодым казачьим офицером А. П. Чечуриным, с которым Оленина познакомилась незадолго до дня своего рождения. Начинается запись так: «Настал желанный день. Мне минуло, увы, 21 год! Еще когда я одевалась, я получила несколько подарков, а именно: герой прислал мне китайское зеленое вышитое шелком одеяло. Я сошла вниз. Все поздравили меня, я благодарила, смеялась, шутила и была очень весела. Поехали к обеду и возвратясь сейчас же пошла одеваться». Почему молодая девушка прибавила себе в этой записи год — непонятно. (Вероятно, она хотела написать: «мне пошел 21-й год»). Описав далее свой разговор с Чечуриным, Анна Алексеевна пишет: «Мы сели за стол. Пушкин, Сергей Голицын, Глинка, Зубовы и пр. приехали. Меня за обедом все поздравляли, я краснела, благодарила и была в замешательстве».

В записи имеются такие фразы: «Наконец все разъехались дамы, остались одни мужчины. Мы сели ужинать за особый стол, и тут пошла возня: всякий пел свою песню или представлял какое-нибудь животное». В дальнейших строках дневника сказано, что гости «уехали поздно». Приходится пожалеть, что в данной записи целые страницы уделены Чечурину, а с Пушкином говорится мимоходом.

Это поддается объяснению. По-видимому, в те самые дни, когда заполнялись эти страницы дневника, озаглавленные Олениной «Роман моего сочинения», Пушкин просил руки Анны Алексеевны, но получил от ее матери

решительный отказ. Такой вывод можно сделать из записи, внесенной в дневник 19 сентября: в ней описано празднование 5 сентября, дня имени матери, Елизаветы Марковны, на котором присутствовал Пушкин. Эта запись глубока по внутреннему содержанию.

«Пока все приготавлилось в зале, я напомнила Сергею Голицыну его обещание рассказать мне об известных событиях. После некоторого жеманства он сказал мне, что это касается поэта. Он умолял меня не менять поведения по отношению к нему. Сергей порицал маминку за ее суровость к Пушкину, говоря, что это не способ успокоить его. Когда я сказала ему о дерзости, с которой Штерич говорил мне у графини Кутайсовой о любви Пушкина ко мне, Сергей мне отвечал, что он уже заметил Штеричу, что это не его дело, и что я ему очень хорошо ответила. Я была в ярости от речей, которые Пушкин держал на мой счет. Он сказал мне тогда: «Вам передавали, не правда ли, что Пушкин сказал: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам». Это было при мне сказано, и не совсем так. Я ведь знаю, кто и зачем Вам это передал, Вам это сказала Варвара Дмитриевна!» (запись сделана по-французски, лишь три последние фразы написаны по-русски).

Великосветский болтун, камер-юнкер Е. П. Штерич повторил Олениной то, о чем тогда поговаривали в аристократических салонах Петербурга. А Варвара Дмитриевна Полторацкая делала все, чтобы ее брат Николай Киселев мог жениться на Анне Алексеевне.

О том, в каком настроении пребывал Пушкин 5 сентября на именинах Елизаветы Марковны, свидетельствуют следующие строки в той же записи Аннет Олениной. «Прощаясь, Пушкин сказал мне, что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу,— прибавил он с чувством» (в этой фразе только первые четыре слова написаны по-русски).

В чем же причина отказа родителей Анны Алексеевны выдать дочь за Пушкина? В литературе вопрос этот ставился неоднократно. Значительную роль в отказе, по мнению исследователей, начиная от одного из первых пушкинистов, П. И. Бартенева, сыграли тревожные для поэта события, имевшие место в том же 1828 году: 28 июня Государственный совет, членом которого был А. Н. Оленин, постановил учредить за Пушкиным секретный надзор, а в начале августа он был вызван к петербургскому военному губернатору для показаний о «Гавриляде». Конечно, Пушкин в эти месяцы был для Олениных не тем человеком, за которого они хотели бы выдать свою дочь, фрейлину императорского двора. Но, думается, немалое значение в этом отказе имело и то, что Олениным были известны прежние увлечения поэта. Так, Елизавета Марковна, безусловно, хорошо знала, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье» посвящено ее родной племяннице, которая не делала из этого секрета. Ведь Анна Петровна Керн сама, как она рассказывает в своих воспоминаниях, передала автограф этого стихотворения для опубликования А. А. Дельвигу: «Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих «Северных цветах». Мих. Ив. Глинка сделал на них пре-

красную музыку и оставил их у себя». Стихотворение появилось в печати в начале 1827 года с заглавием «К***». Не могла не знать и Аннет, что «Я помню чудное мгновенье» обращено к ее двоюродной сестре,— альманах «Северные цветы», вероятно, лежал у нее на столе, когда в своем дневнике она цитировала первые четыре строки этого стихотворения. Да и Пушкин не скрывал своих отношений с Керн — в феврале 1828 года он написал с полной откровенностью С. А. Соболевскому о характере этих отношений. О том же могло быть известно не только Соболевскому. Не сыграло ли все это некую роль при отказе Олениных от предложения Пушкина?

Теперь вкратце о том, как дневник А. А. Олениной сохранился до наших дней.

Вышла замуж Анна Алексеевна уже после смерти Пушкина — в 1840 году, в возрасте 32 лет, за офицера лейб-гвардии гусарского полка Ф. А. Андро де Ланжерона. Его отец, французский эмигрант граф А. Ф. Андро де Ланжерон, поселился в России в 1790 году, служил в русской армии и участвовал в войнах против Швеции и Турции, принимал участие в Отечественной войне 1812 года. Новороссийский генерал-губернатор, он был одним из строителей Одессы. Пушкин познакомился с ним во время пребывания в Одессе и часто встречался. Сын Ланжерона Федор Александрович вместе с семьей переехал в 1844 году в Варшаву, где был сначала адъютантом Паскевича, а затем в течение четырнадцати лет — президентом Варшавы. В Польше Анна Алексеевна прожила около сорока лет.

О судьбе богатого архива А. А. Олениной рассказала в зарубежной печати ее внучка Ольга Николаевна Оом. По ее словам, муж Анны Алексеевны ревновал жену к ее блестящему прошлому, а потому «все, что некогда наполняло ее девичью жизнь, не должно было более существовать, даже как воспоминание». И весь свой богатый архив она сложила в «рундук» и отправила на чердак, где он пролежал сорок лет. И только после смерти мужа в 1885 году, когда семидесятилетней старушкой Анна Алексеевна переехала в Серединные Деражни — имение ее младшей дочери Антонины Федоровны Уваровой в Волынской губернии — она приступила к разбору своего архива. Даже то, что запомнилось и было записано ее внучкой спустя пятьдесят лет, поражает. Она рассказывает, в частности, об альбомах с автографами и рисунками Пушкина, упомянув, что там были «все большие ножки гирляндюк вокруг стихотворений 1828 года». Один из альбомов Анна Алексеевна подарила этой внучке, в будущем О. Н. Оом. В нем, в числе других автографов, было два стихотворения Пушкина — «Что в имени тебе моем?..» и «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Второе стихотворение поэт вписал в альбом в 1829 году, а в 1833-м сделал под ним приписку: «Plus ene perfect» (давно прошедшее), 1833».

В своих воспоминаниях, напечатанных в 1936 году, О. Н. Оом рассказывает: «Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания: было ли это простое сожаление о прошлом или затронутое женское самолюбие,

мне неизвестно, но желание Анны Алексеевны я исполнила, и автограф не сделался достоянием печати. Теперь же, когда прошло более ста лет со времени создания Пушкиным этого чудного стихотворения, я думаю, что то значение, которое Анной Алексеевной придавалось пометке Пушкина, уже утратилось». К великому сожалению, местонахождение этого альбома, до конца 1917 года сохранявшегося в доме О. Н. Оом в Петрограде, теперь неизвестно.

По словам той же мемуаристки, в других альбомах ее бабушки были рисунки О. А. Кипренского — один из них изображал Крылова, другой, исполненный в 1812 году, детей Олениных — Анну и ее сестру Варвару, акварельные эскизы К. П. Брюллова для костюмированных балов в Зимнем дворце, музыкальные записи М. И. Глинки.

После кончины 15 декабря 1888 года Анны Алексеевны ее архив, как то нередко бывало и бывает, расплылся. Часть осталась у А. Ф. Уваровой, младшей дочери, где Анна Алексеевна провела последние годы жизни, другая часть поступила к средней дочери С. Ф. Сталь-фон-Гольстейн — матери О. Н. Оом, значительная часть перешла к старшей дочери А. Ф. Гарбинской, жившей в Варшаве.

Долгие годы ее дочь Софья Андреевна сохраняла реликвии из архива бабушки. Но многое С. А. Гарбинская утратила. Так, у нее в Польше находился дневник А. А. Олениной, относящийся к последним годам жизни Пушкина, «трагическая кончина которого, — как говорит О. Н. Оом, — глубоко опечалила Анну Алексеевну и была ею подробно в нем описана». Когда О. Н. Оом встретилась в 1920-х годах со своей двоюродной сестрой, этого дневника у нее уже не оказалось. Зато С. А. Гарбинская передала ей дневник «Annette», о котором идет речь в настоящем очерке. В 1936 году О. Н. Оом напечатала в Париже дневник в количестве всего лишь 200 пронумерованных экземпляров. У нас об этом дневнике писала в специальном научном издании, вышедшем небольшим тиражом, известная пушкинистка Т. Г. Цявловская, но она пользовалась парижским изданием, в котором текст дневника приведен не полностью, притом со многими неточностями, перестановками, изменениями. Поэтому дневник Аннет Олениной нуждается в новом издании, научно подготовленном.

Хочется отметить, что дневник этот проделал невероятно длинный путь за долгие годы своего существования. Выйдя замуж, А. А. Оленина увезла его на сорок лет в Варшаву, затем привезла его с собой в Волинскую губернию, когда поселилась у дочери. После смерти Анны Алексеевны дневник перешел к другой ее дочери, жившей в Польше, а затем к внучке. В 1920-х годах его получила О. Н. Оом, другая внучка Анны Алексеевны, поселившаяся после революции во Франции. И наконец, в 1940-х годах дневник оказался в руках сына О. Н. Оом, В. Н. Звегинцова, жившего в 1913 году за рубежом.

В очерке «Воспетая Пушкиным» я уже упоминал В. Н. Звегинцова, которому принадлежал исполненный П. Ф. Соколовым акварельный портрет М. Н. Волконской с сыном.

В результате наших встреч и бесед Владимир Николаевич принял решение отправить

на родину некоторые из принадлежащих ему рукописных материалов и портретов, относящихся к пушкинской эпохе. Это прежде всего дневник его прабабушки А. А. Олениной, выдержки из которого только что приводелись. Передал он мне также рукопись двух глав, которые Анна Алексеевна только и успела написать, и то не полностью, из задуманных ею мемуаров, уже на склоне лет, в 1881 году. Решив поведать будущим поколениям то, что «видела и слышала на своем веку», она набросала лишь вводную главу, которую озаглавила «Первый листок»; затем в 1884 году она принялась за другую главу, но, так и не доведя ее до конца, к своим воспоминаниям больше не возвращалась. Но и в том немногом, что она написала, имеется ряд интересных исторических и бытовых подробностей, касающихся ее деда, бабушки, отца. Остаются только пожалеть, что Анна Алексеевна не осуществила своего замысла и не оставила нам подробных воспоминаний о прожитом и виденном, — это был бы, безусловно, интересный мемуарный памятник. Затем В. Н. Звегинцов передал четыре письма графа А. Ф. Ланжерона, адресованных ученому-эллинисту Жану Гею, хранителю библиотеки Королевской академии во Франции; темы писем — археологические изыскания, которыми А. Ф. Ланжерон страстно увлекался. Письма эти сохранились в бумагах А. А. Олениной. У В. Н. Звегинцова оказался также портрет Ф. А. Андрю де Ланжерона, исполненный двоюродным братом графом Лама, и книга «Стихотворения» Н. И. Гнедича, вышедшая в 1832 году в Петербурге, с дарственной надписью: «Ея Высочайшепревосходительству Елизавете Марковне Олениной свидетельство искреннего уважения к ней. 1832».

Н. И. Гнедич был в большой дружбе с семьей Олениных. И в эту книгу он включил пять стихотворений, в которых о них говорится. Пространное «Приютину» имеет подзаголовок «Посвящено Елизавете Марковне Олениной (1820 г.)», и четыре других обращены к ее дочери Анне Алексеевне: «К А. А. О. При получении ею в подарок китайского веера»; «Аннете О. в альбом»; «А. А. О. (В альбом, 1827)»; «К кающейся грешнице (1827)». (На полях последних двух стихотворений указано старинным почерком, что они относятся к А. А. Олениной.) Прошло менее трех месяцев с того дня, когда поэт подарил своим друзьям этот экземпляр своих «Стихотворений», — и жизнь его оборвалась: 3 февраля 1833 года Н. И. Гнедич скончался. А 6 февраля Пушкин, А. Н. Оленин, И. А. Крылов, Ф. П. Толстой, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев несли гроб поэта...

Кстати отметим, что, кроме Пушкина и Гнедича, А. А. Олениной посвящали свои произведения Крылов, Лермонтов, Козлов, Венецианов.

И наконец, Владимир Николаевич передал на родину две весьма примечательные вещи: они не только свидетельствуют о том, что существовали два портрета А. А. Олениной, один кисти Карла Брюллова, а другой — Александра Брюллова, но и дают представление об этих ныне утраченных портретах.

Почти четырнадцать лет Карл Брюллов отсутствовал в Петербурге. В августе 1822 года весьма одаренный двадцатидвухлетний живописец выехал в качестве пенсионера Об-

щества поощрения художников сроком на три года в Италию для совершенствования своего мастерства, но случилось так, что он вернулся из-за границы в конце декабря 1835 года в Москву, а в Петербург приехал лишь в конце мая следующего года.

И если отношения между президентом Академии художеств А. Н. Олениным и Брюлловым до его отъезда за границу были сложными, если не сказать неприязненными, то после возвращения художника в Петербург Оленин устроил ему в здании Академии художеств чествование, а затем всячески содействовал осуществлению его творческих замыслов.

На чествовании, состоявшемся 12 июня 1836 года, Оленин выступил с речью, в которой сказал, что в этот день «свершилось торжество в честь превосходного таланта одного из питомцев Академии, торжество, какому не было еще примера в летописях С.-Петербургской императорской Академии художеств».

А когда Брюллов сразу же после приезда в столицу уведомил о своем решении написать картину «Осада Пскова», Оленин оказал ему всяческое содействие — организовал поездку в Псков «для осмотра местности и памятников древности, которые там могли остаться», и дал ему в помощники акварелиста и археолога Ф. Г. Солнцева, выполнившего в связи с картиной ряд подсобных работ. Наконец, сам президент Академии художеств во многом Брюллову помог, так как познания Оленина в области истории Древней Руси были огромны, и перу его принадлежали многочисленные труды по этим вопросам.

В эти годы отношения Брюллова с Олениным были самыми дружескими, он бывал в их петербургском доме, гостил в Приютине. И, возможно, не раз писал портреты Олениных. Но если обратиться к лучшим из существующих исследований о художнике, то в них можно найти всего лишь одно указание на то, что по возвращении в Петербург художник исполнил в 1837—1838 годах портрет А. Н. Оленина, местонахождение которого неизвестно и который известен только по гравюре Н. И. Уткина.

Между тем О. Н. Оом, со слов своей бабушки, пишет: «Брюллов был своим человеком в семье Олениных. Его кисти принадлежат многочисленные портреты супругов Олениных и их дочерей». Более того: в выпущенном О. Н. Оом в 1936 году в Париже издании дневника Олениной воспроизведена копия портрета Анны Алексеевны, исполненного Карлом Брюлловым в 1842 году.

Все это осталось вне поля зрения исследователей творчества художника.

Подлинник портрета, правда, пока неизвестен, но зато В. Н. Звегинцов передал копию с него, выполненную в середине прошлого века масляными красками художником А. Поповым. Копия эта сделана, по-видимому, в уменьшенном формате (22×17 см). Нужно думать, что она дает верное представление о брюлловском полотне, так как выполнена очень тонко, весьма профессионально. Анна Алексеевна изображена сидящей в кресле, справа от зрителя на постаменте бюст ее отца, исполненный в мраморе в 1831 году С. И. Гальбергом, большим другом Карла Брюллова (ныне бюст находится в Русском музее).

Облик А. А. Олениной овеян задушевностью, да и весь лирический строй, в котором решен портрет в целом, оставляет самое отрадное впечатление. Не исключено, что отыщется и оригинал Брюллова.

Существовал еще один, но исполненный акварелью портрет Анны Алексеевны, кисти брата Брюллова, Александра. До 1917 года он находился у ее дочери Антонины Федоровны в Киеве. Чудом уцелевшая у В. Н. Звегинцова фотография — единственное, что пока известно об этом портрете, писанном в 1840 году. Представляется вероятным, что он был исполнен в связи со свадьбой А. А. Олениной.

Благодаря тому, что О. Н. Оом раскрасила фотографию, глядя на акварель Александра Брюллова можно получить и некоторое представление о цветовой гамме подлинника. Анна Алексеевна изображена на этом портрете сидящей вполборота, облокотившись правой рукой на тумбу. На ней белое открытое платье, оголяющее плечи. На руках две синие с золотом ленты, такого же цвета пояс, свободно и низко перевязанный, на груди бриллиантовый бант с подвеской. На шея черная лента. Волосы спадают завитыми локонами. Кстати сказать, рисуя в своих творческих тетрадях профиль Аннет Олениной, Пушкин неизменно набрасывал ее локоны. Хочется надеяться, что печатаемое воспроизведение этого портрета, исполненного Александром Брюлловым, поможет выяснить судьбу оригинала.

Ольга Николаевна Оом скончалась в 40-х годах нашего века, до конца дней оставаясь преданной дочерью своей Родины. Вот что она писала внукам и внучкам в посвящении к изданию дневника А. А. Олениной: «Я была бы счастлива, если бы при чтении этой небольшой книги в вас укрепилась любовь к России и ее великому прошлому, если бы в сердцах ваших эта любовь сохранилась так же, как она хранится в сердцах людей нашего поколения».

Самое отрадное воспоминание осталось у меня от встреч в Париже с сыном О. Н. Оом — В. Н. Звегинцовым, человеком широких познаний в различных областях истории, литературы и искусства, владеющим пятью языками.

Какое счастье, что реликвии его прабабушки Анны Алексеевны Олениной попали именно к нему! Несмотря на все трудности и превратности своей жизни, Владимир Николаевич сумел сохранить их. И как характерна для этого человека фраза, сказанная им в одном из последних писем ко мне: «Вы не можете себе представить, какой камень спал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину».

Дневник Аннет Олениной, две главы ее воспоминаний, книга стихотворений Н. И. Гнедича с дарственной надписью Е. М. Олениной, а также четыре письма А. Ф. Ланжерона переданы мною, по согласованию с В. Н. Звегинцовым, в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР; копия брюлловского портрета А. А. Олениной (1842 года), исполненная А. Поповым, фотография портрета Олениной, написанного Александром Брюлловым в 1840 году, а также портрет Ф. А. Андро де Ланжерона — в Государственный музей А. С. Пушкина.

¹ В оригинале на французском языке.

² Ошибка. Пушкина не было в столице семь лет.